

**НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ.
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ЗАРУБЕЖЬЕ**

Д.С. Ермолин

**«МЫ ДЛЯ НИХ ЧУЖИЕ»:
КОСОВСКИЕ СЕРБЫ В г. НИШ (СЕРБИЯ).
ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ 2014 г.**

Война в Косово (1998–1999), а также последовавшее за этим международное вмешательство, которое в конце концов привело к провозглашению в одностороннем порядке независимости Республики Косово¹ от Сербии (17 февраля 2008 г.), вероятно, поставили финальную точку в процессе гомогенизации этнического состава региона. На протяжении всего XX в. количество сербов в Косово неуклонно снижалось (прежде всего вследствие оттока сербов из края и высокого уровня рождаемости у албанцев), несмотря на попытки сначала королевского (особенно в межвоенный период), а позже социалистического правительства Югославии изменить пропорциональное соотношение численности албанского и сербского населения. На сегодняшний день, согласно официальной статистике

¹ В сербской номенклатуре территориально-административных единиц — Автономный край Косово и Метохия в составе Республики Сербия. Впрочем, необходимо упомянуть, что 22 сентября 1992 г. албанскими политиками было провозглашено создание независимой Республики Косово, суверенитет которой признала только Албания.

Республики Косово, албанцы составляют почти 93 % населения страны, в то время как доля сербов — всего 1,5 %². Однако ситуация не была таковой еще несколько десятилетий назад: мультиэтнический характер Косово, провозглашенный конституцией в 2008 г., действительно имел место и способствовал постоянным контактам представителей разных этнических групп³.

С момента перехода Косово под протекторат ООН в 1999 г. сербы были вынуждены массово переселяться на территорию Сербии. Крупнейшими центрами притяжения стали населенные пункты на юге и юго-востоке страны, прежде всего Ниш, Лесковац и др., а также крупные города, расположенные в других регионах: Белград, Крагуевац и даже Нови-Сад в Воеводине. Только в Нише проживает порядка 10 тыс. переселенцев из Косово. Как представляется, косовские сербы предпочли Ниш другим городам по ряду причин: во-первых, географическая близость к Косово — около 90 км до границы самым коротким маршрутом, а значит, возможность приезжать в родные города на праздники и поминальные дни, а также чтобы повидать друзей и родственников, оставшихся в Косово; во-вторых, Ниш — третий по величине город Сербии (после Белграда и Нови-Сада) и крупный промышленный и университетский центр, что расширяло перспективы беженцев в поиске работы и получении образования.

В данной статье предпринята попытка анализа некоторых аспектов современной ситуации в сообществе косовских сербов в г. Ниш (Сербия). Сбор полевого материала осуществлялся в два этапа. В мае 2014 г. мне довелось поучаствовать в праздновании сербами из Ниша и Белграда, ранее проживавшими в Приштине, престоль-

² Данные переписи 2011 г. Результаты доступны на сайте Министерства статистики Республики Косово (<http://ask.rks-gov.net/>). Необходимо отметить, что сербское население Северного Косово (общины Митровица, Звечан, Лепосавич, Зубин-Поток) преимущественно проигнорировало перепись. Неофициальные источники указывают на 6 % сербов относительно всего населения Косово. Ни одна из прочих этнических групп, проживающих в Косово (турки, бошняки, цыгане, гораны), не превышает 2 % от общей численности населения страны.

³ Однако в последние несколько лет наблюдается пусть незначительный, но все же приток сербских беженцев, которые были вынуждены оставить свои дома в 1998–1999 гг. По оценкам, с 2000 г. в Косово вернулись от 3 до 7 тыс. сербов [Мартынова 2013: 134–135].

ного праздника церкви Св. Николы в Приштине (22 мая по н.ст.) с посещением православного кладбища, а в сентябре того же года состоялся экспедиционный выезд в г. Ниш, в результате которого был записан ряд интервью с косовскими сербами, более 15 лет проживающими за пределами Косово. В настоящем исследовании основное внимание уделено вопросам идентичности и определения границ данного сообщества, а также стереотипам, бытующим в среде сербских переселенцев из Косово. Поскольку в рамках полевых выездов 2014 г. мною также собирался материал для исследования, посвященного трансформации социокультурного ландшафта столицы Косово — Приштины — в период с 1945 по 1999 г., мои информанты в Нише были в основном выходцами из этого города, а также из близлежащих поселений — Чаглавицы, Косово-Поле и др.

Старожилы в Приштине

Итак, говоря об этнополитической ситуации в Приштине и в целом в Косово до войны 1998–1999 г., необходимо иметь в виду следующее: до 1989 г. Приштина оставалась типичным югославским городом, несмотря на то что уже в конце 1960-х годов появились «первые ласточки» будущей этнической напряженности: 1968 и 1981 гг. были отмечены выступлениями албанской части населения края за предоставление Косово более широкой автономии и, в конце концов, статуса республики в составе СФРЮ [Мартынова 2013: 91–99]. Этносциальная ситуация в корне изменилась после 1986 г., когда был опубликован Меморандум Сербской академии наук и искусств⁴ с призывами выдвижения «сербской национальной программы» [Там же: 100]. Данный текст, помимо прочего, содержал обвинения косовских албанцев в геноциде сербского народа.

Фиксируя подобные рассказы, описывающие судьбы и переживания людей в условиях этнической напряженности, вылившейся в вооруженный конфликт, я, признаться, не ожидал услышать иной точки зрения, кроме привычной, когда сербы и албанцы обвиняют

⁴ Перевод текста на английский язык см.: http://www.trepca.net/english/2006/serbian_memorandum_1986/serbia_memorandum_1986.html (дата обращения: 03.12.2014).

Рис. 1. Друзья — албанец (слева) и серб (справа), а также музыкант-цыган (в центре), на свадебных торжествах. Приштина, 1970-е годы.
Фото из личного архива информанта

друг друга в произошедшей в Косово гуманитарной катастрофе. Однако, как ни странно, более взвешенные и, если можно так выразиться, трезвые рассуждения о «правых и виноватых» мною были записаны от коренных жителей Приштины, как албанцев, так и сербов. Важным представляется то, что коренной горожанин Приштины (алб. *prishtinali*, серб. *приштевац*) обладает особой идентичностью, причем одним из обязательных требований, предъявляемых сообществом горожан к члену данной социальной «касты» вплоть до 1980-х годов, являлось умение изъясняться по-турецки. Одна из моих информанток (албанка, 1942 г.р., род. в Приштине) сообщила, что в их квартале (не говоря уже про ее семью) в центре города все говорили по-турецки, к тому же она с детства усвоила и сербский язык, поскольку по соседству с ними жило несколько сербских семей; албанский язык она начала учить только в школе. В условиях столь этнически и лингвистически пестрой повседневности неудивительно, что горожане Приштины — турецкие, албанские, сербские и еврейские торговцы и ремесленники, веками привыкшие жить бок о бок, обладали намного бóльшим порогом этнической, конфессиональной и культурной толерантности (рис. 1), чем более

поздние переселенцы в города из руральных — по преимуществу гомогенных в этническом отношении — районов.

Менталитет жителей Приштины, Призрена и Гниляне похож. У них одни и те же обычаи, одинаковые обряды. В их основе — турецкая культура. Я люблю турецкие песни... Мы готовим ту же еду, что и в Турции. <...> На селе не так. Культура сербов, живущих в селах, отличается от культуры горожан. Все отличается, огромная разница — одежда, еда, обычаи. <...> После войны сербы, живущие в селах, стали учиться — многие приезжали в Приштину, заканчивали школу или гимназию, высшее образование получали в Белграде. Но разница между ними и нами — горожанами — сохранялась. Тяжело общались между собой, никто не хотел выходить замуж за «деревенщину», редко кто это делал. Общались с ними с каким-то пренебрежением... Я очень не любила людей из села. Они приезжали в город и приносили свои обычаи. Мой брат до сих пор их называет только «деревенщинами»... (Г.Р., жен., сербка, род. в 1945 г. в Приштине, зап. в г. Ниш, сентябрь 2014 г., пер. с сербского мой. — Д.Е.).

В 1999 г., когда сербы были вынуждены массово покидать Приштину, соседи-албанцы делали все возможное для того, чтобы сделать их переселение в Сербию менее драматичным, насколько это было возможно в тех условиях... Часты рассказы о том, как албанцы укрывали своих соседей-сербов в собственных домах от вооруженных албанцев, патрулировавших город. Зачастую албанцы старались выкупить дом своего соседа, переезжавшего в Сербию, предлагая довольно существенные деньги, дабы не допустить того, чтобы дом купил приезжий из сельской местности албанец. Однако даже и тогда, когда свою недвижимость сербы продавали не соседям, а албанцам «со стороны», это были относительно справедливые (в условиях острого конфликта) сделки. Так, мой информант-серб Н.Й. (1950 г.р., род. в Приштине) в 1999 г. продал свой трехэтажный дом (350 кв.м) за 200 тыс. немецких марок; вырученных денег ему хватило на две квартиры: в белградском районе Земун (66 кв. м), где ныне живет его старшая дочь, и в г. Ниш (60 кв. м), где живет мой информант с супругой и младшим сыном, среднему впоследствии

была куплена отдельная квартира в Нише. К слову, албанец (родом из области Ополе), купивший дом у моего информанта, так и не смог выстроить добрососедские отношения с соседями-албанцами — в итоге они даже не общались друг с другом; как резюмировал мой информант: «Потому что у них был конфликт культур». Истории о том, как сербы, продав недвижимость в Приштине (и других населенных пунктах), покупали квартиры в Сербии, приходится фиксировать регулярно. Безусловно, в случае обладания лишь служебными квартирами в Приштине ситуация была куда печальнее — в них после 1999 г. вселялись албанские семьи, и ни о какой компенсации не было и речи [Ермолин 2015: 261].

Идентичность и стереотипы косовских сербов в Нише

Определения этнического стереотипа и подходы к их изучению весьма разнятся в понимании исследователей, что связано со значительной емкостью данного понятия. Так, в работах А.К. Байбурина этнические стереотипы рассматриваются прежде всего в качестве социальных феноменов, регламентирующих и упорядочивающих нормы и сценарии поведения индивида или сообщества [Байбурин 1985: 36–46]. В.П. Трусов и А.С. Филиппов определяют этнические стереотипы как обобщения о представителях различных этнических групп, характеризующиеся повышенной эмоциональной устойчивостью, но не всегда адекватно отражающие реальные черты стереотипизируемой группы [Трусов, Филиппов 1984: 18]. Данное определение конкретизирует О.В. Белова, добавляя, что при создании образа «чужака» конкретное сообщество, как правило, использует устойчивый набор предрассудков, создающих стереотипный «портрет другого», в основе которого зачастую лежат представления о ненормальной внешности, гипертрофированных качествах и свойствах, связи «чужих» с потусторонним миром [Белова 2005: 8].

В случае косовских сербов приходится иметь дело с несколькими категориями стереотипов в зависимости от того, какое сообщество представляется в виде «чужого» или «своего». Так, до переселения в Косово в Приштине невидимая граница пролегалa не столько по этническому принципу (сербы — албанцы — турки), сколько

по социокультурному — для горожан-старожилов «своими» были албанцы и турки, имевшие опыт проживания в городской среде и умевшие выстраивать добрососедские отношения в многоликой, мультиконфессиональной и полифоничной Приштине, в отличие от приезжавших из сел сербов и албанцев (см. выше). После того как косовские сербы оказались в Нише, границы между «своими» и «чужими» были некоторым образом пересмотрены, что повлекло к образованию новых стереотипов, о которых речь пойдет ниже.

После передачи территории Косово под протекторат ООН и возвращения албанских жителей в 1999 г. (многие албанцы выехали из края на время войны 1998–1999 г. и военной операции НАТО) сербское население массово покидало Косово в надежде обрести на своей «большой» родине мир и сочувствие «братьев по крови». Однако, по словам моих информантов-сербов, там, куда они переселялись (прежде всего близлежащие города на юге Сербии — Ниш, Лесковац, а также Белград и др.), сербы из Косово не нашли ожидаемой поддержки местного населения. Повсеместно в Сербии косовские сербы именовались местными не иначе как *шунтары*⁵ — об этом свидетельствуют как мои полевые материалы, так и многочисленные наблюдения коллег⁶.

По словам информантов, живущих в Нише, случаи буллинга по отношению к ним и их детям в городских школах и училищах также не были редки. Информант С.А. (жен., род. в г. Косовска-Каменица, ~40 лет) не желала посещать занятия в медицинском училище, поскольку каждое утро находила у себя на парте записку со словами: «*Возвращайся в Косово — откуда приехала!*».

Для большинства беженцев из Косово поиск работы в Сербии стал настоящей проблемой: например, мой информант (1950 г.р.) работал в Приштине в электрораспределительной компании ведущим инженером, в Нише смог лишь найти работу на аналогичном предприятии лишь в качестве инспектора по контролю уровня по-

⁵ Серб. *шунтар* (от алб. эндонима *Shqiptar* — ‘албанец’) — пейоративный термин для обозначения албанцев в сербском языке.

⁶ Благодарю за ценные комментарии и консультации коллег из Белграда — Билянну Сикимич (Институт балканистики САНИ) и Саню Златанович (Институт этнографии САНИ).

требления электроэнергии жителями города: в его рабочие обязанности входят обход домов и квартир в конкретно взятом районе и фиксация показаний счетчика. И такие истории, увы, не единичны.

Получив статус «переселенных лиц» (серб. *расељена лица*), косовские сербы, однако, были ограничены в гражданских правах — им, например, не разрешается участвовать в выборах на муниципальном и областном уровнях (поскольку официально они до сих пор прописаны по прежнему месту жительства: им отказывают в постоянной регистрации в Нише, где они живут уже более 15 лет). В паспорте и идентификационной карте «переселенных лиц» (рис. 2, 3)

Рис. 2. Идентификационная карта, удостоверяющая личность. Выдана отделением полиции в Приштине, расположенном в Нише

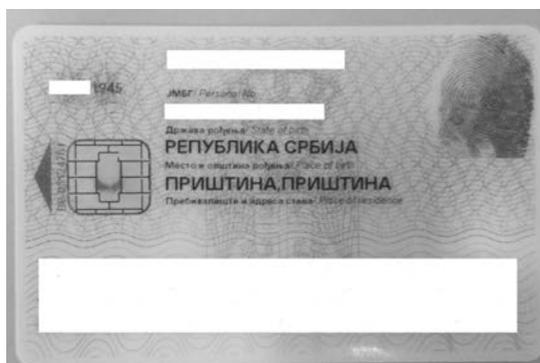

Рис. 3. Идентификационная карта, удостоверяющая личность. Выдана отделением полиции в Приштине, расположенном в Нише. Указано место постоянной регистрации — Приштина. Обратная сторона

в качестве места постоянной регистрации указываются города их прежнего проживания в Косово, а сами документы выдаются соответствующими отделениями полиции (для бывших приштинцев это так называемая «Полицијска управа за Приштину», офис которой располагается в Нише). Однако более важным документом, чем паспорт (в буквальном смысле, по словам информантов), для косовских сербов, проживающих вне Косово, является «зеленая карточка» (серб. *зелена картица*)⁷, подтверждающая их право на временную регистрацию в Сербии (рис. 4). Видимая граница между «полноценными горожанами» и «расселенными лицами» также маркируется в социальном ландшафте города государственными регистрационными автомобильными знаками — косовские сербы, не имеющие постоянной регистрации в городе, вынуждены пользоваться автомобильными номерами, на которых поставлены буквенные префиксы, соответствующие месту регистрации в Косово. Например, для Приштины — это префикс PR (рис. 5). По словам моих информантов из числа автолюбителей, эта ситуация доставляет им определенный дискомфорт, поскольку они ощущают ограниченность прав даже на дорогах.

Однако прежде всего это касается лиц, которые переселились из Косово в совершеннолетнем возрасте, и их детей, проживающих вместе с ними. Если по достижении совершеннолетия человек переезжает от родителей в собственное жилище, он получает право на постоянную регистрацию по новому адресу. Дети, рожденные в Нише, также регистрируются в муниципалитете и с первых дней жизни получают статус полноправных горожан.

Неудивительно, что такие условия способствовали изоляции беженцев из Косово и выработке у них чувства сплоченности. До сих пор в Нише есть кафе «Липа» (рис. 6), в котором собираются в основном косовские сербы: еще 15 лет назад они облюбовали это место и до сих пор приходят сюда до и после работы, чтобы за чашкой кофе вспомнить прошлую жизнь в Косово, посетовать на экономические тяготы сегодняшнего дня и покритиковать правительство.

⁷ Официальное название этого документа — Подтверждение постановки на учет / снятия с учета по месту временной регистрации (серб. *Подврда о пријему пријаве — одјаве боравишта*).

Рис. 5. Автомобильный номер с буквенным префиксом PR (Приштина)

Рис. 6. Кафе «Липа» в Нише. Неформальное место встреч косовских сербов. Ниш, сентябрь 2014 г. Фото автора

Многим людям это кафе позволило установить новые контакты «среди своих», благодаря чему удалось создать небольшие фирмы (как правило, в сфере автосервиса) или открыть магазины. На мои вопросы о собственной идентичности один информант ответил следующим образом:

Поскольку я не по своей воле переселился в Ниш, я не чувствую себя здесь как дома. Мой дом там⁸. Тут мы для них чужие, шиптары, но и там я чужак — потому что моей Приштины больше нет. Я тебе так скажу: я серб из Приштины, который живет в Нише (Н.Й., муж., серб, род. в 1950 г. в Приштине, зап. в г. Ниш, сентябрь 2014 г., пер. с сербского мой. — Д.Е.).

Многие бывшие приштинцы признавались мне, что им иногда снится их родной город времен их молодости. Картины прошлого, запечатленные в памяти, для этих людей становятся тем бесценным сокровищем, которое у них не в состоянии отнять ни войны, ни вынужденные переселения в поисках мира и лучшей доли. Ставший мне близким другом серб из Приштины, у которого я гостил во время пребывания в Нише, признался, что вскоре после переселения из Косово он почувствовал потребность писать картины (при этом до этого он не был знаком с живописью). Неудивительно, что на значительном количестве его картин его родной город изображен таким, каким он его запомнил (рис. 7). С особой нежностью он рассказывал о своей улице (рис. 8), на которой прошла его юность, пришла первая любовь...

Об албанцах бывшие жители Приштины зачастую вспоминают с ностальгией, наделяя их такими качествами, как верность слову, честность, трудолюбие, порядочность в торговых делах. Мои информанты особенно любят рассуждать о последнем качестве и сопровождают свои рассказы подобными описаниями:

⁸ Бинарная оппозиция *овде* (досл. ‘тут’; в Нише, в Сербии) — *тамо* (досл. ‘там’; в Приштине, в Косово) часто используется косовскими сербами в биографических нарративах. Еще одна система пространственной референции состоит из трех компонентов: *овде* (досл. ‘тут’, о месте нынешнего проживания, например, о Нише) — *доле* (досл. ‘внизу’, о Косово) — *горе* (досл. ‘вверху’, о Центральной и Северной Сербии, особенно о Воеводине).

Рис. 7. Картина информанта Н.Й., на которой изображен памятник «Братство и единство», установленный в Приштине в 1961 г.

Рис. 8. Картина информанта Н.Й. Улица Мето Байрактари в Приштине, на которой прошло его детство

Фрукты и овощи покупали только у албанцев. Придешь на рынок, хочешь купить мешок перца, а у тебя денег нет — он тебе этот мешок даст, а деньги, скажет, завтра приноси! И еще удачи пожелает и дополнительно чего-нибудь с собой даст (жен., сербка, 1953 г.р., жила в Приштине, зап. в г. Ниш, сентябрь 2014 г., пер. с сербского мой. — Д.Е.).

На фоне ловких и способных к торговле албанцев Косово местные сербы, работающие на рынке в Нише, изображаются в рассказах мелочными, готовыми на обман, никогда не дающими в долг, округляющими любую сумму в свою пользу (в отличие от албанцев). Мне отчасти удалось в этом убедиться. Мой информант повез меня на оптовый овощной рынок, где работает косовский албанец Агим, уже давно обосновавшийся в Нише. Из диалога с Агимом ста-

ло ясно, что многие сербы (не только из Косово) покупают фрукты и овощи исключительно у него. В конце беседы Агим угостил меня сливами, после чего, сев в машину, мой информант резюмировал: «О чем я тебе и говорил — пока серб один ящик фруктов продаст, у Агима уже сто уйдет!».

Престольный праздник в Приштине

Пожалуй, самым ярким событием в году, позволяющим сербам-приштинцам актуализировать собственную идентичность, является организация престольного праздника православной церкви Св. Николы в Приштине (22 мая нов. ст.). Весной 2014 г. мне посчастливилось стать участником этих торжеств. Именно там я познакомился с дорогими моему сердцу людьми, к которым впоследствии приехал в сентябре того же года в Ниш. Сценарий праздника в общем выглядит следующим образом: богослужение с крестным ходом вокруг храма Св. Николы (рис. 9, 10); коллективная трапеза на церковном дворе; визит на православное кладбище (рис. 11, 12). В 2014 г. состоялась также поездка в сербский анклав Грачаница (в 8 км от столицы Косово).

В 2014 г. на праздник в Приштину сербы прибыли на двух туристических автобусах. Подавляющее большинство из них с 1999 г. живет в Нише, остальные, присоединившиеся к группе, — из других городов Сербии. На праздник также пришли сербы, проживающие в населенных пунктах Грачаница, Лапле-Село и других сербских анклавах в окрестности Приштины. По словам активистов из некоммерческих организаций⁹, занимающихся планированием и реализацией этих поездок, 2014 г. был последним, когда аренду транспорта оплачивало государство (50 тыс. сербских динаров в день за 1 автобус; около 20 тыс. руб. на май 2014 г.), в дальнейшем придется изыскивать иные источники финансирования, что, по словам информантов, ставит под вопрос саму возможность поездок.

⁹ Подобная организация в Нише — Ассоциация семей похищенных и пропавших без вести в Косово и Метохии (серб. *Удружење породица киднапованих и несталих лица на Косову и Метохији*).

Рис. 9. Престольный праздник в храме Св. Николы.
Во время богослужения. Приштина, 22 мая 2014 г. Фото автора

Рис. 10. Престольный праздник в храме Св. Николы. Крестный ход.
Приштина, 22 мая 2014 г. Фото автора

Рис. 11. Визит на православное кладбище. Серб кадит ладаном могилы своих родственников. Приштина, 22 мая 2014 г. Фото автора

Рис. 12. Визит на православное кладбище. Внучка на могиле деда. Приштина, 22 мая 2014 г. Фото автора

Косовских сербов данная новость удручает: государство рано или поздно оставит их один на один с их личной жизненной драмой — потерей дома и родного города, а для многих также с трагедией утраты близких, родственников и друзей. К тому же для семей с детьми, рожденными уже вне Косово, эти ежегодные поездки были практически единственной возможностью показать детям край «прошлой» жизни их родителей, а также эффективным способом дать детям «джентльменский набор» знаний о Косово, включая корпус сербских патриотических песен (например, «Видовдан» и «Одлазимо на Косово равно» и мн. др.).

Заключение

Итак, резюмируя, отмечу, что полевые материалы, фиксируемые в настоящее время среди албанского населения Косово (в частности, Приштины) и сербов, которые были вынуждены покинуть край после 1999 г., демонстрируют возможность новых интерпретаций и поиска дополнительных причин произошедшего конфликта, не ограничиваясь лишь рамками «векового» этнического противостояния сербов и албанцев или экономической отсталостью края и неудовлетворенностью масс населения. По крайней мере, мы должны понимать, что среди горожан, усвоивших правила и нормы добрососедских отношений с представителями различных этнических и конфессиональных групп еще со времен османского владычества, порог толерантности и неприятия любых проявлений этнического национализма во время событий в Косово оказался гораздо выше, чем у радикально настроенных масс, подогреваемых политическими элитами.

После знакомства с сообществом косовских сербов в Нише приходится констатировать, что формальные условия их существования на территории Сербии и неформальное отношение к ним со стороны местного населения препятствуют полной интеграции беженцев: эти люди с особым статусом находятся на периферии социального ландшафта города. В сложившейся ситуации косовские сербы предпочитают оставаться в замкнутом сообществе: поддерживать трудовые и дружеские контакты внутри собственной группы, устраивать

вечера памяти и поездки в родные города на храмовые праздники и поминальные дни. Коллективную идентичность косовских сербов в Нише, помимо темы войны и ее последствий, также поддерживают устойчивые стереотипы о порядочности, честности и трудолюбии албанцев Косово и, напротив, малопорядочности местных сербов, не желающих выручить в трудную минуту и легко идущих на обман.

Библиография

Байбурин А.К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура // СЭ. 1985. №2. С. 36–46.

Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.

Ермолин Д.С. «В квартале мы говорили по-турецки»: повседневные практики и стереотипы в довоенной Приштине // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 256–264.

Мартынова М.Ю. Этнический фактор в судьбе Косово // Косово: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. С.А. Романенко, Б.А. Шмелев; предисл. Р.С. Гринберг. СПб., 2013. С. 82–135.

Трусов В.П., Филиппов А.С. Этническая психология: этнические процессы и образ жизни людей. М., 1984.